

## ĐẶC ĐIỂM VĂN HÓA DÂN TỘC CỦA TỪ VỊ *TIẾNG CƯỜI* TRONG TIẾNG NGA

Larisa Vasilyevna Rybacheva\*

Bài viết phân tích khái niệm tiếng cười như là một trong những hoạt động tinh thần đặc trưng của con người và xã hội, đồng thời làm rõ khía cạnh thần thoại hóa của tính cách dân tộc Nga. Bài viết tập trung nghiên cứu bản chất của lý thuyết khôi hài trong văn học văn hóa Nga, đặc biệt là qua các tác phẩm của V. Ya. Proppa, M. M. Bakhtin, Y. Borev, L. V. Karasev... Mô hình từ vựng-ngữ nghĩa của các từ chỉ tiếng cười (hài hước, dí dỏm, đùa cợt, chế giễu, mỉa mai, châm biếm) được phân tích chi tiết trong các tác phẩm này. Bài viết đã xem xét tiếng cười như một phương tiện để tăng cường sự hiểu biết liên văn hóa trong các giờ học tiếng Nga như một ngoại ngữ. Bài viết hệ thống hóa một chuỗi các động từ đồng nghĩa với từ cười trong tiếng Nga cổ (chế nhạo ác ý, nhieéc móc), đồng thời chỉ ra được các liên kết cấu tạo từ hiện đại của từ vựng cười. Bản chất khác thường của khái niệm này được thể hiện rõ nét qua hệ thống tục ngữ và ca dao Nga, cũng như trong những cách ngôn của các nhà văn Nga.

**Từ khóa:** tiếng cười, hài hước, tính khác thường, tính cách dân tộc.

This article explores the concept of laughter as a uniquely human and social mental activity, shedding light on its mythologized role within the Russian national character. Drawing upon key theories of humor in Russian literary culture, especially through the works of V. Ya. Propp, M. M. Bakhtin, Y. Borev, and L. V. Karasev, it offers a lexical-semantic analysis of vocabulary related to laughter (such as humor, wit, joking, ridicule, irony, and satire). This article also emphasizes the pedagogical value of laughter in promoting intercultural understanding in Russian as a Foreign Language (RFL) classrooms. Furthermore, it systematizes a series of Old Russian synonyms for 'laugh' from Old Russian (e.g., malicious mockery, scolding), while identifying modern word-formation patterns in the laughter-related lexicon. The exceptional nature of laughter is vividly illustrated in Russian proverbs, folk sayings, and literary aphorisms.

**Keywords:** laughter, humor, distinctiveness, national character.

## НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСЕМЫ СМЕХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рыбачева Лариса Васильевна

данная статья посвящена концепту смех как одному из специфических видов духовной деятельности человека и общества, в котором проявляется мифологизированная сторона русского национального характера. В статье рассматривается сущность теории комического в русской культурологической литературе, в частности в трудах В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Ю. Борева, Л.В. Карасева и др.. Описывается лексико-семантическая парадигма лексики смех (юмор, остроумие, шутка, насмешка, ирония, сатира) по данным словарей. Анализируются возможности смеха как средства повышения межкультурного взаимопонимания на занятиях по РКИ. Представлен синонимичный ряд глагола смеяться в древнем русском языке (глумиться, ругаться, похритати). Даются современные словообразовательные связи лексики смеяться. Выявлена парадоксальность данного концепта, которая проявляется в русских пословицах и поговорках, а также в афоризмах русских писателей.

**Ключевые слова:** смех, комическое, парадоксальность, национальный характер.

\* PGS.TS., Đại học Tổng hợp Quốc gia Voronezh (Liên bang Nga)

Email: rybacheva@phil.vsu.ru

## 1. ВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования состоит в том, что изучение смеха ведет к целостному и многоаспектному пониманию особенностей культуры, общества, человека. А.А. Сычев отмечает: «Освещая различные стороны человеческой жизни, модели поведения, типы личности, смех не только описывает общество, но и дает ему оценку, важную для понимания» [9].

Всем известно, что не каждый человек способен воспринимать комическое. Для этого необходимо иметь чувство юмора. Это чувство предполагает прежде всего замечать противоречия действительности, сопоставлять их с определенным идеалом, заострять эти противоречия, вырывать их из привычных, обычных связей.

Поэтому понятие комического чрезвычайно емко. Оно включает в себя огромную гамму отношений – от юмора, лёгкой иронии, насмешки до злого, бичующего, беспощадного смеха, сатиры.

Сущность комического в противоречии. Комизм – результат контраста, разлада, противостояния между безобразным – прекрасным, ничтожным – возвышенным, значительным и пустым и т.д. Комическое обязательно связано с эффектом неожиданности. Значение неожиданности в комическом раскрывает античный миф о Пармениске, который, однажды испугавшись, потерял способность смеяться и очень

страдал от этого. Он обратился за помощью к Дельфийскому оракулу. Тот посоветовал ему поискать изображение Латоны, матери Аполлона. Пармениску, ожидавшему увидеть статую прекрасной женщины, вместо матери Аполлона был показан уродливый чурбан. Слова Дельфийского оракула сбылись: Пармениск рассмеялся. Смех Пармениска был вызван несоответствием между тем, что он ожидал, и тем, что неожиданно увидел в действительности. При этом удивление имеет критический характер. Если бы Пармениск увидел еще более прекрасную женщину, чем он предполагал, само собой разумеется, он не рассмеялся бы. Неожиданность здесь помогает активному противопоставлению в сознании Пармениска представления о красоте матери Аполлона – Латоны – явлению, которое, претендуя на красоту, на самом деле нелепо и уродливо.

## 2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

### 2.1. Основные теории смеха в русской культурологии

Теория смеха имеет давнюю историю. В центре нашего исследования находятся отечественные ученые, занимающиеся проблемами смеха.

В исследовании В.Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» отмечена такая особенность смеха, как противоречие между духовным и физическим как скрытый недостаток, который неожиданно обнаруживается. Ученый пишет: «Смех наступает, когда заслонение духовного начала

физическим неожиданно раскрывает некоторый недостаток... Недостаток вскрывается одинаковым путем: путем естественного перевода внимания от внутренних действий и внешним формам их проявления, которые эту недостаточность вскрывают и делают ее очевидной для всех» [6, с. 27]. В.Я. Пропп отмечает виды комизма, в частности физическое существо homo, при котором физическая природа вскрывает недостатки природы духовной (толстые люди, комизм еды и Гоголя), комизм сходства (внезапное открытие сходства), комизм отличия, человек в обличье животного, осмеяние профессий, пародирование, комическое преувеличение, посрамление воли, одурачивание, алогизмы, ложь. Кроме того, ученый отмечает виды смеха по психологической окраске (добрый и злой смех), жизнерадостный смех, обрядовый смех, разгульный смех, истеричный смех, насмешливый смех.

По-другому раскрывает природу смеха известный философ, культуролог и литературовед М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», говоря об «освободительном» характере смеховой культуры как таковой (а не, к примеру, тех или иных конкретных её проявлений). Так, в частности, он противопоставляет смеху страх в классовой культуре, которая является авторитарной, содержит насилие, ограничения и запреты. По его мнению, в смехе страх преодолевается: «Не существует запретов и ограничений, созданных смехом. Власть, насилие,

авторитет никогда не говорят на языке смеха» [1]. Подчеркивая социальный характер смеха, М.М. Бахтин далее отмечает, что «смехом никогда не таится насилие, что смех не воздвигает костров, что лицемерие и обман никогда не смеются, а надевают серьезную маску, что смех не создаёт догматов и не может быть авторитарным, что смех знаменует не страх, а сознание силы, что смех связан с производительным актом, рождением, обновлением, плодородием, изобилием, едой и питьём, с земным бессмертием народа, что, наконец, смех связан с будущим, с новым, с грядущим, очищает ему дорогу. Поэтому стихийно не доверяли серьезности и верили праздничному смеху» [1].

Ю. Боров в книге «Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия» отмечает: «Комическое в искусстве всегда включает в себя высокоразвитое критическое начало. Смех — эстетическая форма критики. При этом цель, накал, направление критики, соотношение утверждающего и отрицающего начал могут быть различны. То, что общество начинает осмеивать, оно стремится исправить или уничтожить» [2, с.18].

Л.В. Карасев в работе «Парадокс о смехе» отмечает, что смех является своего рода реакцией на зло, а и в этом смысле положительный смех и негативная эмоция ярости имеют одну причину — зло. В этом, по его мнению,

заключается парадокс смеха. «Присутствие в вещи момента негативности, известной меры зла все равно остается. И эта парадоксальная черта смеха – радости, осмеивающей зло, наводит на мысль о том, что парадокс содержится в самой гримасе смеха, в самой форме его бытия на человеческом лице. Взгляните на смеющегося: только что бывшее спокойным лицо вдруг преобразилось: приоткрылся рот, сощурились глаза, поползли в длину и вширь губы, показывая два ряда зубов. Смех усиливается и переходит в хохот: рот открыт, зубы видны полностью. Перед нами – форма рта, удивительным образом совпадающая с формой проявления чувств совсем иного плана, находящихся свое выражение в гримасах страдания, безудержного плача или же – в масках ярости и гнева. Но только ли о формальном совпадении идет речь? ... в основе негативных эмоций и положительного смеха лежит одна и та же причина, а именно: не только плач и ярость, но и смех есть реакция на зло, тогда все становится на свои места: реликтовая, функционально бесполезная мимика – обнажение зубов в гримах страдания и ярости – закономерно сохраняется в смехе, но смягчается, маскируется и приобретает иной смысл» [3].

Ю.А. Кузнецов провел лингвистическое исследование концепта смех в русском языке и выявил национальную специфику единиц поля смеха, которая проявляется на «уровне парадигматики,

доказательством чего служит «семиотическая плотность», выраженная в большом количестве лексико-семантических групп, синонимических рядов, составляющих поле; синтагматики и деривации – наличие больших по объему словообразовательных гнезд указывает на высокую значимость данных единиц для носителей языка» [5, с. 7].

В своей докторской диссертации А.А. Сычев анализирует смех как социокультурный феномен, который открывает новые возможности для целостного и многоаспектного понимания сущности культуры, общества, человека [9].

Таким образом, в существующих теориях отмечаются такие характеристики смеха, как противоречие между духовным и физическим, которое обнаруживается внезапно. В своей причине смех имеет зло, но это зло, как отмечают исследователи, прощенное и преодоленное.

## **2.2. Смех и ментальность русского человека**

Известно, что смех универсален, однако отличия в культуре связаны с различиями в смехе, что приводит к особенностям в этническом юморе.

А.А. Сычев отмечает: «Национальный юмор выполняет ряд функций: во-первых, он является показателем принадлежности человека к определенной этнической группе; во-вторых, он закрепляет в культуре

определенные черты психического склада, идентифицируя человека как часть нации; в-третьих, юмор отделяет человека от представителей другой народов, способствуя тем самым более четкому осознанию своей культурной самобытности» [9, с.31].

Можно говорить о насмешливом русском характере, о способности русского человека его к самоиронии и веселой бесшабашности в сложных ситуациях. О склонности русских к шутке в самом серьезном деле говорят многие, но только русские писатели отмечают, что «юмор есть признак таланта» (Михаил Пришвин), что «без юмора нет ума» (Дмитрий Лихачев), что «смех есть наименьшая единица освобождения» (Татьяна Горичева), да и вообще — «без смешного не бывает и жизни» (Федор Достоевский), потому что «без шутки ни говорить, ни писать нельзя» (Алексей Хомяков).

Историк языка В.В. Колесов в монографии «Язык и ментальность» анализирует традиции в развитии смеха в русской культуре. Прежде всего он отмечает, связь смеха с скоморохами и юродивыми, которые их неожиданным, метким словом вызывают смех. Известен так же ритуал подзадоривания противника перед поединком, который вызывал дикую злобу. Сейчас же причины смеха другие.

Так, В.В. Колесов пишет: «Мы смеемся не так и вовсе не над тем, как и над чем смеялись когда-то. Счастливее те, кто не смеется вовсе, но им многое предстоит для себя открыть.

Переживание смеха медиальновозвратно, смех направлен на самого себя, у русских это так: не *смеять*, а *смеяться*—ся. Через себя самого личность показывает нарушение гармонии мира, чувства и мысли о мире. Именно смех защищает от страха, спасает от гордыни, помогает объединиться. Этот смех не создает веселья — но избавляет от горя» [4, с.142].

В древнем русском языке в синонимичный ряд глагола *смеяться* входили глаголы *глумиться*, *ругаться*, *похритати*.

*Глумиться*, *глумление* от *глумь* 'шум': 'создавать шум (ртом)' с развитием значения в 'насмехаться, дразня'.

*Ругаться* восходит к древнему корню со значением 'скалить зубы, сердясь' или 'ощериваться, ворча'; в древнерусском языке глагол означал 'насмехаться, понося' (поругание).

Третье слово родственно корню со значением '*кричать* (со всю пасть)', но сохранилось только в древнейших текстах; *похритати* 'насмехаться с презрением'; *охрита*, *похрита* — 'насмешка, позор'.

Таковы оттенки улыбки и смеха, представленные на все случаи жизни.

### 2.3. Лексема смех в русском языке

Слово смех обозначает всякое проявление радости во всех его видоизменениях, но глаголы различаются: *смеяться* употребляется вместо старого *смеятися*, *высмеять*

или *осмеять* – вместо старого *поохритати*, *насмехаться* вместо старого *ругатися* и т. п.

Русский смех – это «взятие на себя»: обращенное чувство, смех над самим собой, в проявлениях которого предстают одновременно и я, и другой. Русский язык своим содержанием и структурой как бы подталкивал мысль на этот путь; например, в нем долго совпадали (грамматически) субъект–объектные отношения в высказывании, что чаще всего выражено специальной категорией залога. *Смеясь над кем–то* (объект), тут же я сам (субъект) переживаю это состояние. Может быть, отсюда происходит чувство обидчивости, которое испытывает русский человек, когда кто–то другой смеется над ним, не сопереживая тоску смеха.

В лексико-семантическую парадигму лексемы *смех* входят такие слова, как *юмор*, *остроумие*, *шутка*, *насмешка*, *ирония*, *сатира* – все это вызывает смех. Рассмотрим их.

*Юмор* – 1. Беззлобно–насмешливое отношение к чему–н. Чувство юмора. Говорить с юмором. 2. В искусстве: изображение чего–н. в смешном, комическом виде. Отдел юмора в газете. Юмор и сатира.

*Остроумие* – 1. Изобретательность в нахождении ярких, удачных, смешных или язвительных выражений. Неистощимое остроумие. 2. Изобретательность, тонкость ума, обнаруживающаяся в поступках,

действиях. *Проявить остроумие в решении вопроса. Догадка не лишена остроумия.*

*Шутка* – 1. То, что говорят или делают не всерьез, ради развлечения, веселья. Сказать что–н. в шутку. Злая шутка. Без шуток (всерьез). 2. Небольшая комическая пьеса. Шутка в одном действии.

*Насмешка* – Обидная шутка, издевка. Подвергаться насмешкам. Сказать что–н. в насмешку.

*Ирония* – Тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме. Злая ирония. Ирония судьбы (перен.: странная случайность).

*Сатира* – 1. Обличающая, бичующая ирония. 2. Литературное произведение, обличающее отрицательные явления действительности.

*Хохот* – Громкий смех. Оглушительный хохот.

Дефиниции слова *смех*, по данным толковых словарей, в целом совпадают, определяя его как «характерные прерывистые горловые/ голосовые звуки и различаются лишь полнотой перечня состояний человека или проявлений веселья, радости, удовольствия, насмешки, злорадства и т.п. (МАС, БТС).

Смех в своих звуковых проявлениях характеризуется как внезапностью начала, так и резким окончанием: *раздался смех: смех оборвался.*

Наиболее типичная сочетаемость существительного *смех* позволяет

определить семы, которые чаще актуализируются в речи.

Семантические особенности существительного *смех* ярче всего выступают на фоне семантики его синонима – *хохот*.

Синонимы *смех* и *хохот* различаются, прежде всего, по такому признаку, как громкость звука, т.е. хохот – это громкий смех (МАС, БТС, О/Ш) или громкий, несдерживаемый смех.

Слово *хохот* всегда соотносится с громким звуком, который отличается прежде всего интенсивностью. Ср.: *Раздался новый взрыв хохота*. Синтагматические связи данного концепта также могут отражать отмеченную выше градацию отношений: смех может быть *добрым, простодушным, жизнерадостным, злым, злорадным, злостным, циническим, истерическим, гомерическим* и т.д.

*Шутка – меткой, злой, доброй уместной, неуместной* и т.д.

Особый интерес представляет словосочетание *беззвучный хохот*, при котором обычно сотрясается все тело субъекта и которое выражает особое эмоциональное состояние человека.

Кроме того, соответствующая градация находит свое выражение и в глагольной парадигме: *смеяться, хихикать, грохотать, гоготать, забавляться, насмешничать, потешаться, усмехаться, издеваться, глумиться* и т.д.

Слово *смех* имеет широкие деривационные (словообразовательные) связи: *смешок, смешинка, смешливый, смешной, смешиноватый, смешно, пресмешной; смешить, насмешить, посмешить, смешище, рассмешить; высмеять, высмеивать, высмеивание, осмеять, осмеивать, осмеяние; смеяться, засмеяться, надсмеяться, посмеяться, рассмеяться, насмехаться, насмешка, насмешечка, насмешливый, насмешливо, насмешливость; надсмехаться, надсмешка; усмехаться, усмехнуться, усмешка, усмешечка*.

Смех произволен, он может возникнуть неожиданно, и человек не в состоянии справиться с собой, в русском языке есть выражения: *смешинка в рот попала, покатиться со смеху, закатиться со смеху, умирать со смеху, уморить со смеху, валяться со смеху, надорвать живот со смеху, надорваться со смеху, смеяться до упаду (до слез)* и т.п.

Важно отметить, что в русском языке есть парадоксальные фразеологизмы: «*и смех и грех*», «*смех сквозь слезы*», «*и смех и горе*».

Подобная парадоксальность есть и в пословицах, поговорках, афоризмах: «Мал смех, да велик грех», «Иногда смех плачем отзывается», «Сколько смеху, столько греха», «И смех находит на грех» и т.п.

В народной мудрости и в высказываниях о смехе писателей есть та же закономерность – смех

связывается: с грустью: *«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»* (М.Ю. Лермонтов), с плачем *«Смех до плача доводит»*, *«Этот смех перед слезами»*, с грехом *«И смех наводит на грех»*, *«Где грех, там и смех»*, *«В чем живет смех, в том и грех»*, *«Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно»* (И. Карамзин), глупостью *«Смех без причины – признак дурачины»*, *«Не дурачься, и так не умен»*. Есть даже народные приметы: *«Не перед добром развеселился»*, *«За весельем горесть ходит по пятам»*.

Вместе с тем есть и прямо противоположные суждения: *«Кто в радости живет, того кручина неймет»*, *«Шутя люди мед пьют»*, *«Кто людей веселит, за того мир стоит»*, *«Есть нечего, да жить весело»*, *«Сердце веселится, и лицо цветет»*, *«Веселому жить хочется, помирать не можется»* (Более подробно см. Рыбачева Л.В. [7]).

В народной мудрости отмечается и осторожность в выражении смеха: *«Станут люди смеяться, и мы посмеемся»*, *«Умей пошутить, умей и перестать»*, *«Шутка в добро не введет»*, *«Последний смех лучше первого»*, *«Хорошо смеется тот, кто смеется последним»*, а также боязнь общественного осуждения: *«Умей шутить, умей и отшучиваться»*, *«Над кем посмеешься, тот над тобою поплачет»*, *«Чужому смеху хорошо смеяться, посмейся–ка своему»*.

Как отметил И.А. Стернин, в русском коммуникативном поведении не принято улыбаться, смеяться при исполнении служебных обязанностей, для смеха необходимо особое, отдельное от работы время [8]. Наш материал свидетельствует об этом: *«Игра игрою, а дело делом»*, *«Смешки смешками, а дело делом»*, *«На баснях далеко не уедешь»*, *«Смехом веку не проживешь»*, *«Делу – время, потехе – час»*, *«Смехом сыт не будешь»*.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, природа смеха имеет парадоксальный характер, а сам смех является высокозначимым средством невербальной коммуникации. Антонимами к понятию «смех» чаще других напрашиваются «слезы», «грусть», «тоска», «плач». Все эти отчетливые противопоставления прежде всего относятся к эмоционально-экспрессивной сфере. Смех активно живет и в пространстве морально-ценностных ориентиров.

Анализ деривационных связей лексемы *смех* свидетельствует о высокой частотности их употребления в реальной коммуникации, о чем говорит их словообразовательная активность и метафорическое использование.

Ценится улыбка, и не всякая, а только настоящая — «это выражение, продиктованное чувством "да", и это "да" должно светиться полно, живо и искренно, — говорил Иван Ильин. Неискренняя улыбка всегда фальшива и отвратительна: она отравлена изнутри и

обессилена отрицанием "нет". Настоящая улыбка, однако, должна быть полноценной – внешне, светясь на лице, а внутри – лучась от души.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. (1990). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. - М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
2. Боров Ю. (1970). КОМИЧЕСКОЕ, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю.Боров. – М.: Издательство «Искусство», 1970.
3. Карасев Л.В. (1989). Парадокс о смехе // Л.В. Карасев. — Вопросы философии, 1989, № 5.
4. Колесов В.В. (2004). Язык и ментальность, Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004, 240 с.
5. Кузнецов Ю.А. (2002). Семантика и функционирование существительного смех в русском языке // *Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 11–16 марта 2002 г., Санкт-Петербург. Вып. 6. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Русский язык и русистика сегодня.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002, 49 – 51.
6. Пропп В.Я. (1976). Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
7. Рыбачева Л.В. (2004). Концепт «смех» в русском языке. *Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы международной научно-практической конференции 10–12 апреля 2003 года.* Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004, 60 –62.
8. Стернин И.А. (1992). Улыбка в русском общении. *Русский язык за рубежом, 1992, № 2.*
9. Сычев А.А. (2004). Смех как социокультурный феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Саранск, 2004. 35 с.

(Ngày nhận bài: 29/11/2024; ngày duyệt đăng: 29/7/2025)